

Роман Бродавко

«Полета вольное упорство»

К столетию со дня рождения Якова Зака

В плеяде великих музыкантов XX века, рожденных в Одессе, почетное место принадлежит пианисту и педагогу Якову Израилевичу Заку.

Он родился в 1913 году. В книге «Яков Зак. Статьи. Материалы. Воспоминания», вышедшей в московском издательстве «Советский композитор» в 1980 году, есть рассказ музыканта о его семье: «Мой отец – служащий, а мать – домохозяйка. Она очень любила музыку, у нее была великолепная музыкальная память, она знала много произведений,

Яков Зак

хотя музыкального образования не получила. Одна моя сестра училась в консерватории, однако по семейным обстоятельствам не закончила ее – помешали трудности 1920-1921 годов. Вторая сестра тоже была пианисткой, но, к сожалению, прекратила свои занятия еще раньше... Обе сестры получили юридическое образование, стали юристами, а не музыкантами. Меня начали учить музыке рано, и в семь лет я уже все усваивал и успешно двигался, а к десяти годам играл довольно серьезные вещи. Около 11 лет я учился у Марии Митрофановны Старковой. Это был отличный педагог, и педагогика была смыслом ее жизни».

Выступать юный музыкант начал очень рано: уже в 1925 году он дал свой первый сольный концерт в Одессе, на котором играл этюды Шопена. В течение восьми школьных лет Зак занимался в классе камерного ансамбля у профессора П.С. Столярского. В 1930 году он окончил школу и поступил в Одесскую консерваторию, курс обучения в которой прошел за один год и четыре месяца.

В эти годы в Одессе жили и учились будущие великие музыканты: Д. Ойстрах и Э. Гилельс, С. Фурер и М. Гринберг, начинал свою творческую жизнь С. Рихтер. Яков Зак вспоминал: «Когда Рихтеру было лет 14-15, мы с ним часто играли в четыре руки. Слава Рихтер не учился в консерватории, но прекрасно играл не только фортепианные сочинения, а и оперы Вагнера, Дебюсси, Стравинского и др.».

В 1932 году Я. Зак поступил в аспирантуру Московской консерватории к Г.Г. Нейгаузу. «Уроки с Генрихом Густавовичем не были уроками в обычном толковании этого слова, – вспоминал Я.И. Зак. – Это было нечто большее: художественные события. Они «обжигали» касаниями с чем-то новым, неизвестным, волнующим... Нас, учеников, словно бы вводили в храм возвышенных музыкальных мыслей, глубоких и сложных чувств...»

В 1933-1934 годах Нейгауз тяжело болел. В течение нескольких месяцев Зак занимался в классе Константина Николаевича Игумнова. Этот мастер также оказал влияние на личность молодого пианиста. Зак впоследствии писал: «Игумнов обладал поразительным, редко встречающимся качеством: он умел охватить единым взглядом форму музыкального произведения в целом и одновременно видел каждую его черточку, каждую «клеточку».

В 1935 Яков Израилевич окончил аспирантуру. В этом же году в его жизни произошло знаковое событие: участие во втором Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей. На этом творческом соревновании он завоевал третье место. Победа дала ему возможность принять участие в третьем Международном конкурсе пианистов имени Шопена в Варшаве.

Этот конкурс был впервые проведен в 1927 году по инициативе польского пианиста и музыкального педагога Ежи Журавлева. Председателем жюри первого конкурса был выдающийся

польский композитор и педагог Витольд Малишевский – кстати, первый директор Одесской консерватории.

До начала второй мировой войны конкурс проходил трижды, и все три раза его выиграла советские пианисты. Победителем первого был Лев Оборин. Победителем второго, который состоялся в 1932 году, – Александр Юнинский, который впоследствии стал «невозвращенцем». Покинув СССР, он жил и концертировал в США, из-за чего надолго «исчез» из истории советского исполнительского искусства.

Скромный, скрытный, взыскательный к себе, Зак долго примеривался к участию в Шопеновском конкурсе 1937 года. «Поначалу я решил никого не посвящать в свои планы. Учил программу совершенно самостоятельно. Потом рискнул показать ее Генриху Густавовичу. Он, в общем, одобрил. Стал помогать мне готовиться к поездке в Варшаву...»

Шопен был любимым композитором Зака. Но одной любви мало, чтобы найти свой ключ к исполнению его произведений. Молодой пианист искал его долго и напряженно:

«Я слышал многих выдающихся исполнителей Шопена. Все они, каждый по-своему, прекрасно играли и играют произведения великого композитора. Но на меня, на мое исполнительское и художественное осознание Шопена особенно большое влияние оказали два пианиста – В. Софроницкий и Э. Гроссман. Чем пленил меня Софроницкий? При строгой, чеканной отточенности формы его игра вдохновенно импровизационна. Музыка под его пальцами каждый раз как бы заново рождается, одухотворенная и трепетная. Я вспоминаю его шопеновские клавирабенды. Баркарола, ноктюрны, особенно фа-мажорный, баллады. Гордое, свежее, очищенное от пыли и штампов искусство. Соната си минор – мужественность и необычайная пластичность исполнения. Вальсы и мазурки – подлинное изящество, как действенное отрицание салонной изнеженности А можно ли забыть титанический поединок стихийного духа и суровой воли, столь потрясающий в си-бемоль-минорной прелюдии, когда ее играет Софроницкий? Это художник точных и возвышенных намерений и страстного творческого их воплощения. Он многое открыл и объяснил мне в Шопене еще в годы моей юности.

В 1932 году, поступив в аспирантуру Московской консерватории, я познакомился с Э. Гроссманом, тонким и проникновенным исполнителем Шопена. Он с редкой поэтичностью раскрывал гармонию шопеновских сочинений. Его музыкальная речь была чиста и правдива. Богатство звуковых характеристик и интонаций передавало глубину шопеновского гения, а любовная опека над каждым узором, мелодией и арабеской доносила до слушателя тончайшие оттенки мыслей и чувств композитора... Благородное и высокое искусство Э. Гроссмана покоряло и глубоко впечатляло, хотя артист никогда не прибегал ни к каким формам эстрадного «диктата».

Тесное общение с Э. Гроссманом было важным этапом в моей жизни. Именно в тот период я стал готовиться к Третьему Международному конкурсу имени Шопена (1937 год). Это соревнование было сложным и трудным. Монографический его характер требовал цельности художественных убеждений. Я стремился как можно ближе сродниться с композитором, услышать и передать родство, быть может, спорное, но для меня живое и несомненное, творений Шопена с произведениями смежных искусств. Я чувствовал поэтическую близость Третьего скерцо и стихотворения Пушкина «Воспоминание»: «Когда для смертного умолкнет шумный день» (особенно последние восемь строк). Этюды № 12, 23, 24 напоминают о героических полотнах Делакруа. Прелюдия си-бемоль минор вызывала в моем воображении пламенную стремительность скачек на картинах Жерико. А как близка Прелюдия фа-диез минор настроению тютчевских стихов «О чем ты воешь, ветер ночной, о чем так сетуешь безумно?».

Победа Якова Зака на III Международном конкурсе имени Шопена была бесспорной. Вопреки обычаям и традициям, на конкурсном прослушивании ему аплодировали. Жюри единогласно присудило Заку первую премию – и еще одну, дополнительную – лавровый венок из бронзы.

А чего стоят слова председателя жюри Адама Венявского, сказанные в адрес двадцатичетырехлетнего музыканта: «Совершенно бесспорно, что он представляет собой крупнейшую музыкальную величину... Зак – один из самых замечательных пианистов, каких мне пришлось слышать за всю мою долгую жизнь».

С победой в Варшаве пришла мировая известность, гастроли, шумный успех. Зак с честью выдержал первое испытание славой. Он остался упорным, неутомимым тружеником. Уже в молодые годы за ним закрепилась слава пианиста-мыслителя. Лист, Брамс, Рахманинов, Шуберт, Дебюсси, Прокофьев... В интерпретации каждого из них всегда была яркая индивидуальность пианиста-художника.

Кроме сольных выступлений в довоенные годы Зак играл в ансамбле с Квartetом Большого театра и в фортепианном дуэте с Э.Г. Гилельсом.

Широкая концертная деятельность пианиста, начавшаяся перед войной, не прекращалась и в годы лихолетья – в госпиталях и военных частях. В 1943 году Я. Зак, Д. Ойстрах и чтец В. Яхонтов дали серию концертов в блокадном Ленинграде.

В тридцатые годы Зак стал преподавать в Московской консерватории. Окончив аспирантуру, он поначалу ассистировал своему профессору, Нейгаузу, а через несколько лет ему доверили собственный класс.

Основная, стратегическая цель педагога-пианиста, считал Яков Израилевич, заключается в том, чтобы подвести ученика к личностной интерпретации произведения: «...Не калейдоскоп красивых пианистических форм, не просто быстрые и точные пассажи, изящные инструментальные «фиоритуры» и тому подобное. Нет, суть в другом – в образах, чувствах, мыслях, настроениях, психологических состояниях...». Он последовательно занимался развитием музыкального сознания своих учеников. Студенты Якова Израилевича знали, что на его уроках в любой момент можно было ждать соприкосновений с миром литературы, театра, живописи. Они не переставали восхищаться его энциклопедическими знаниями.

Я. Зак воспитал более 60 учеников, многие из которых стали лауреатами международных конкурсов, профессорами московской и зарубежных консерваторий, педагогами училищ и школ. Среди них – Николай Петров, Элисо Вирсаладзе, Виктор Бакк, Любовь Тимофеева, Генриетта Мирвис, Евгений Могилевский, Ольга Ступакова, выдающийся композитор Софья Губайдуллина... Некоторое время Зак был деканом фортепианного факультета

Московской консерватории, а после смерти Г. Нейгауза в 1964 году был назначен заведующим кафедрой.

Он был поистине великим педагогом. После того как в сознании студента складывался образ интерпретируемого произведения, Зак освобождал его от своей педагогической опеки. Уметь вовремя – не раньше, но и не позже (второе едва ли не важнее) – отойти от ученика, предоставив его самому себе, – один из самых деликатных и трудных моментов в профессии преподавателя-музыканта, считал Зак. От него часто можно было услышать слова Артура Шнабеля: «Роль педагога состоит в том, чтобы открывать двери, а не в том, чтобы проталкивать в них учеников».

Воспитанник Зака профессор Евгений Могилевский пишет: «У Якова Израилевича я почерпнул многое из того, чего мне в ту пору не доставало. Говоря в самой общей форме, он дисциплинировал мою исполнительскую натуру. Соответственно, и мою игру. Общение с ним, пусть нелегкое для меня в какие-то минуты, приносило огромную пользу. Я не переставал учиться у Якова Израилевича и по окончании аспирантуры, оставшись в его классе на правах ассистента».

Перу Зака принадлежит ряд статей и методических работ о фортепианном исполнительстве – «О некоторых вопросах воспитания молодых исполнителей», «Встречи и воспоминания», эссе о творчестве выдающихся пианистов Марии Юдиной, Розы Тамаркиной и др.

В последнее десятилетие жизни Яков Израилевич нашел свое настоящее личное счастье. Его женой стала талантливая пианистка Белла Давидович, кстати, обладатель первой премии на Четвертом Международном конкурсе имени Шопена.

Тем не менее, несмотря на успешную концертную и педагогическую деятельность, жизнь Зака была далеко не безоблачной. В послевоенные годы творческая интеллигенция страны находилась под жестким контролем КГБ. Это ведомство решало, кому можно выезжать на гастроли за рубеж, а кому – нет. Отслеживались знакомства с иностранцами. Строгому учету подвергались валютные гонорары, которые исполнители должны были немедленно по прибытии в СССР сдавать государству, получая взамен незначительные суммы в отечественной валюте. Не избежал то-

тальной слежки и преследований Я.И. Зак. Вот эпизод из книги А.П. Волкова «Земной путь под знаком Тельца»:

«Где-то в пятидесятые годы Зак поехал на гастроли в США. Успешно выступал по городам и весям. Как-то в его гостиничный номер постучали, и вошел очень элегантно одетый мужчина – в смокинге, бабочке, лакированных туфлях. Это был камердинер одного пока еще не известного Заку миллионера. Он пригласил профессора послушать ребенка – 12-летнего мальчика, сына миллионера.

Яков поехал в гости на очень длинной и очень черной полированной до зеркального блеска машине. Его встретил сам миллионер в ковбойке с закатанными рукавами и в джинсах. Потом оставил Якова наедине с сыном и роскошным беккеровским роялем. Мальчик поиграл десяток минут и утомился. Вошедшему отцу Яков прямо и без всяких дипломатических выкрутас сказал, что пианиста из его сына не получится. Поэтому гонять его, как сидорову козу, не следует. Если он сам захочет – пусть наигрывает себе в удовольствие или для друзей. Потом миллионер попрощался с Яковым за руку. И все.

Продолжение наступило по приезде Якова назад в СССР. Его вызвали в КГБ. Он явился туда, ничего не понимая. Его строго спросили: «Форда консультировали?!» – «Да нет, – растерялся Яков, – никакого Форда я вообще не знаю!» – «Так уж не знаете! – едко и с сарказмом выговорили Якову, – а от кого тогда посылка?!» – «Какая посылка?» – изумился Яков. «Большая, ох, товарищ Зак, товарищ Зак, скользкий вы товарищ!» – «Я вам не товарищ, а музыкант, прекратите свои дурацкие розыгрыши!» – «А мы и не разыгрываем – вам лично Форд прислал свою лучшую модель и еще два моста в придачу с мотором». – «Мосты с моторами не бывают!» – твердо заявил Яков. «Бывают, еще как бывают, но машину мы вам выдать не можем из-за государственных интересов, возьмите любую отечественную» – «А на хрена мне ваша отечественная?! Плевать я на нее хотел», – ответил мятежный музыкант. И получил шиш».

Трагической для Зака стала травля, устроенная после отъезда из СССР его ученика Юрия Егорова. Уже в студенческие годы Егоров участвовал в трех конкурсах: имени М. Лонг в Париже

(1971, 4-я премия), имени Чайковского в Москве (1974, 3-я премия), имени королевы Елизаветы (1975, 3-я премия). В 1977 году он участвовал в конкурсе имени В. Клиберна в Техасе, на котором получил 4-е место, но публика и пресса были в таком восторге от его игры, что была мгновенно собрана сумма приза в 10 тысяч долларов, эквивалентного 1-й премии, – специально для Егорова. Еще до начала конкурса известный импресарио Максим Гершунов заявил, что он заинтересован в Егорове, и только в Егорове, независимо от того, кто займет 1-е место.

В Советском Союзе пианисту играть практически не давали, и в 1976 году он решился на невозвращение с гастролей по Италии. Это бегство стало поводом для сведения счетов с Я. Заком. После отъезда Ю. Егорова его стали методично травить. И сердце не выдержало...

Народный артист СССР, профессор Яков Зак скончался в Москве 28 сентября 1976 года. А через два года эмигрировала в США Б. Давидович.

Ушел Мастер, но осталась его школа – школа отечественного пианизма. Ее традиции развивали ученики, а вслед за ними ученики учеников. Школа эта уникальна. Но она требует педагогов-личностей. Будут ли такие в ближайшем будущем? Хочется верить...

